

ОТВЕТ НА КРИТИКУ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»,
ПОМЕЩЕННУЮ В 4, 5, 6 и 7 НОМЕРАХ
«РУССКОГО ИНВАЛИДА» 1823 ГОДА

В качестве издателя «Полярной звезды», благодарю г-на К. за форменные похвалы, а в лице сочинителя статьи «Взгляд на старую и новую словесность в России» ответственную на его подстрочные замечания*.

При составлении нашего издания, г-н Рылеев и я имели в виду более чем одну забаву публики. Мы надеялись, что по своей новости, по разнообразию предметов и достоинству пьес, коими лучшие писатели удостоили украсить «Полярную звезду», она понравится многим; что, не пугая светских людей сухой ученостью, она проберется на камин, на столики, а может быть, на дамские туалеты и под изголовья красавиц.

Подобными случаями должно пользоваться, чтобы по возможности более ознакомить публику с русской стариной, с родной словесностью, со своими писателями. Вздумано и сделано. И для достижения сей цели мне выпал жребий: изобразить в кратких чертах картину отечественной литературы и современных наших литераторов.

Итак, первый долг критика был: рассмотреть историческое изложение хода словесности в России, поверить причины замедления оного, заметить, справедливы ли мнения о слиянии и изменении наречий нашего языка, а потом уже перейти к подробностям. Конечно, такие изыскания требуют немного более искусства ставить восклицательные знаки, и потому г-н К., следуя похвальному правилу держаться всегда середины, прямо берется за некоторые отрывки из характеристики писателей, оставя в стороне введение, в котором должны заключаться не произвольные суждения, а непреложные исторические истины.— Я угадываю первую вину и этого и других обвинений, а потому спешу объясниться.

Зная, что ни один из заслуженных писателей наших не захочет предать себя на мелочную критику, на пересуды, на жертву авторского самолюбия, я сам решился написать краткую характеристику молодых современных литераторов. Не связанный никакими отношениями, не принадлежа

Без сомнения, несколько вопросительных знаков не заслуживают столь длинной антикритики; но это возражение будет служить как бы *введением* в будущее. Я уверен, что приятели мои не раз подадут мне к тому случай. — Соч.

ни к одной партии, я мог высказать все, что слышал, мыслить и чувствовал. Принимаясь за это, я знал, однако, какую грозу на себя накликаю. Я предвидел, что старожилы на меня возопиют за неслыханную дерзость: в моих летах рассуждать вслух; что многие восстанут, зачем я поместил молодых литераторов, о которых они в адрес-календаре не нашли ни слова, что иные будут шептать за себя и кричать за других о несправедливости, о непризнательности к их талантам; что некоторые умники *, пожимая плечами, будут говорить: ...Да кто же тот шалун, кто смел без нашего и плана и совета всю важность поддержать столь трудного сюжета?»

Так и сбылось: толки о «Полярной звезде» не перестают, а самолюбие не дремлет, но печатным ответом на этот раз обязан я только на печатные замечания г-на К.

Почтенный критик мой после приветов, обыкновенно рассыпаемых господами критиками, чтобы ускользнуть своей жертве дорогу для падения, начинает по титуле, — признанием, что обозрение словесности ему не нравится. «В пьесе такого рода (говорит он) желали бы мы, чтобы не только многое, но и все было справедливо и основательно». — Все великая вещь, милостивый государь; по такому строгому счету какой всеобъемлющий гений, какой и классический писатель не окажется банкротом? И как требуете вы от одного человека, чтобы он обо всем судил безошибочно, когда целые миллионы людей часто заблуждаются в одном и том же мнении? Правда, я прислушивался к общему мнению, судил, поверял; но со всем тем мои частные суждения и выбор — не выдавал за непременные, и мое слово — не закон.

(Оригиналь) «И. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. — («Инвалид») «А Дмитриев? Разве басни его не имеют классического

* Для читателей, не знающих тайн нашего Парнаса, не лишним считаю объяснить об этом классе *литературных советников*. Они всегда собираются написать что-то чрезвычайное — и пишут только визитные билеты. Многие, по какому-то паническому преданию, зовут их людьми с тонким вкусом, который, однако, оказывается едва ли не в одних завтраках. Впрочем, их нельзя винить в том, что их талант испаряется словесно: одному препятствуют важные занятия, для другого язык русский кажется слишком тесен и дик по великодушным его идеям; третий говорит, что здесь не для кого писать дельное; у четвертого Наполеон при взятии Москвы сжег десь белой бумаги, на которую готовилась излиться новая горадианская наука о стиховорстве, — и т. д.

достоинства?» К чему это Парисово яблоко? — спрошу я и свою очередь; ибо если бы господин критик потрудился прочесть не просто классическое, а оригинально-классическое, то меня избавил бы от трех лишних строчек, а себя от нареkania за превращение смысла.

(Ориг<инал>) «С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии». — («Инвал<ид>») «Что разумеет автор под *новою школою*? Если *романтическую*, то разве он не знает, что сия последняя имеет по крайней мере столь же многих противников, как и защитников между нашими литераторами? Далее: думали ль Ж. и Б. быть основателями новой школы, одинаковым ли шли к сему путем? — и проч.». Все эти вопросы нейдут к делу. Для чего прицеплено замечание о противниках школы романтической? И почему г-н К. вздумал, что я под Ж. и Б. разумею основателей оной? Не полагает ли он, что романтизм и романтизм одно и то же? — Конечно, Жуковский принадлежит к школе романтической, но более как переводчик, нежели как автор; что же до Батюшкова, то в романтическом роде у него написаны только три пьесы: «Переход через Рейн», «Пленный» и «Замок в Швеции». — Впрочем, вероятно, что ни Б., ни Ж. не думали быть основателями школы, но, к счастью русского языка и гармонии, ими были и суть.

(Оригин<ал>) «Оба они покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы». — («Инвалид») «Как? Разве Богданович, Хемницер, Дмитриев, Карамзин, Нелединский и прочие были только низатели рифм?» Из чего же следует эта дилемма, и потом, к какой стати соединять в одну графу Дмитриева

Богдановичем? Дмитриев в такой же степени отличен отработкою стихов, как Богданович их небрежностью; и рубленные слова, и полубогатые рифмы у последнего не редки.

(Оригинал) «Он (Жуковский) дал многим из своих творений германский колорит, сходящий иногда в мистику». — («Инв<алид>») «Что значит колорит, сходящий в мистику? В таком случае можно будет сказать о Рафаэле, что его колорит *восходит к идеалу*». Что дельно, то дельно. Мистический колорит никуда не годится, и самая поспешность, с которою писана сия статья, не извиняет и проглядке такой ошибки. Признаюсь, что если б я сам писал на себя критику, то этим колоритом нарисовал бы презабавную карикатуру. Впрочем, сравнение г-на К. вовсе

не удачно. И прежде и после можно сказать, что колорит восходит к идеалу, ибо каждая вещь, приближаясь к возможному своему совершенству, приближается к своему идеалу; тем более колорит, как принадлежность изящного искусства.

(Оригин<ал>) «Оригинальная повесть его «Марьина роща» стоит наряду с «Марфой Посадницей» Карамзина». — («Инвал<ид>») «Как можно сравнивать обе сии повести, писанные в совершенно разных родах?» Опять любезная привычка к анаграмме: ¹ я не сравнивал, но поставил их в ряд, потому что в отношении к гармонической прозе обе сии пьесы у нас единственны. Да и разные вещи всегда сравнивать можно, ибо сравнение не есть уподобление.

Потом г-н К., желая блеснуть газетною ученостью, говорит: «Автор *наш* * хотел, может быть, подражать англичанам, кои составили свой пиитический триумвират из В. Скотта, Бейрона и Томаса Мура. Но он, конечно, знает, что многие были недовольны выбором последнего и желали заменить его Соутеем». Я знаю, что англичане почти единогласно делают из сих писателей кадриль, а не триумвират; иногда же и квинтет, прибавляя к ним Кампбеля. — («Инвалид») «Вообще, составление сих триумвиратов столь же произвольно **, как и бесполезно: ибо в литературе нет ни триумвиров, ни диктаторов». А, право, очень жаль, что в этой республике нет никакой расправы. — У меня, правду сказать, давно вертится в голове преудивительный проект о составлении литературного цеха. Там школы взаимного обучения, пошлины на ввозные слова, эмбарго за глупости, штраф за дурные стихи, ответственность за литературную кражу!.. и проч. Oh ça ira, ça ira! *** Нужно ли отвечать на вопрос, почему я Пушкина поместил в триумвират, хотя он начал писать гораздо позже Жуковского и Батюшкова? Поэзия не нумерация, где за тысячами стоят сотни, потом десятки, а потом единицы. В этом случае г-н К. может винить не меня, а природу, которая сотворила Пушкина поэтом, несмотря на число лет. Уважаю вполне всеми признанный талант князя Вяземского; но, зная благородство его мыслей и чувств, не колеблюсь сказать, что отдаю первенство Пушкину.

* Что делать, попался! — *Восклицание соч.*

** Зачем же спорить о вкусах? — *Соч.*

*** Это пойдет на лад! ² (*франц.*). — *Ред.*

(«Инвал<ид>») «Что значат девственные красоты?» — Чтобы растолковать эту фразу, стоит только вникнуть в смысл тех слов, из коих она составлена.

(Оригин<ал>) «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, избрал целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков». — («Инвалид») «Дума не есть исторический гимн и не всегда служит к прославлению предков. Гимны суть похвальные, торжественные песни, а в думах излагаются уединенные размышления исторических лиц, тайные их намерения, борения противоположных страстей, угрызения совести и нередко такие чувства, кои не имеют в себе ничего ни торжественного, ни похвального. Дума есть особый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует еще своей теории». Во всей этой теории, которой никто от г-на К. не требовал, не нахожу и тени правдоподобия. Во-первых, г-н К. смешал сказанное мною о думе с тем, что сказано о Рылееве; а Рылеев, могу уверить, совсем не дума и не гимн. Во-вторых, вопреки г-ну К., гимны в Греции, равно как исторические думы в Польше*, введены были с одинаковой целью, то есть для пения. В-третьих, дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице и нередко олицетворенный об оных рассказ. Лучшие думы Немцевича в том порукою. Далее, в польской словесности дума не составляет особого рода: поляки сливают ее с элегией**. Но как у нас введена дума Рылеевым, то, по его словам и самым произведениям***, думу поместить должно в разряд чистой романтической поэзии. Впрочем, она составляет средину между героидою и гимном.

(«Инвалид») «Мы не знаем, следовал ли автор какому-либо известному порядку при исчислении современных стихотворцев. Но нам кажется, что во всяком случае надлежало бы ему поставить Мерзлякова гораздо выше». На этот вопрос отвечаю: никакому порядку я не следовал, потому что Пантеон не рота, и ранжировать поэтов — значи-

* Думы суть общее достояние племен славянских. Русские песни в Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сайгадашном; у богемцев в Кракодворская рукопись;³ да и сама песнь о походе Игоря не есть ли дума? — Соч.

** Смотри: рассуждение Бродзинского об элегии в «Pamiętnik warszawski», roku 1822, № 5, на karcie 44. — Соч.

*** Не по одному Глинскому, из которого г-н К. почерпнул свое определение.

ло бы повторять анекдот капрала, который тесаком выровнял органы под рост.

(Оригин(ал)) «В. Пушкин отличен... рассказом *природным*». — («Инвалид») «Надлежало бы сказать: *натуральным, естественным*; ибо слово «природный» принимается у нас совсем в другом смысле». В каком же? — смею спросить. У нас говорится: он природный дворянин — природный ум, хотя первое значит *урожденный*, а второе естественный, — занятый от природы или данный природою: точно в таком же значении, как употреблено у меня в отношении к рассказу и для избежания повторений.

(«Инвалид») «Не думаем, чтобы Плетнев в разборах своих шел по следам Мерзлякова». Вы согласитесь, милостивый государь, что Плетнев и Мерзляков шли столбовой дорогой критики, а кто идет после, тот идет по следам своего предшественника, хотя бы он шел скорее или тише.

Что такое эмпиризм в философии, известно каждому, а как поэзия должна быть отраслью философии, то и ей не чуждо сие применение. Касательно же древних форм — я не виноват. По логической связи, они должны стоять выше эмпиризма. — Выражение: «ненарумяненная природа», г-н К. называет «нарумяненною прозою». — *Soit!** Но лучше румянить прозу, чем краснеть за нее. — На вопрос: для чего не сказать *как-нибудь иначе*, существует один ответ: потому что это сказано *так!*

Теперь я должен сделать маленькое отступление, чтоб подобрать косвенные замечания. Смею уверить, что «отвлеченность» слово не новое и давно обносилось в обществе. «Он дал многим из своих творений *наклонность* к чудесному». Это и не ново и не чудесно. — Разве не говорим мы: наклонность к миру, к войне, к вражде и прочему? — Далее: почему не употребить слово *светскость*, если оно понятно выражает мысль? Почему не сказать *вселичный* (*omniforme*), когда есть слова: *двуличный*, *безличный*? Притчи *портретны*, когда они заключают в себе портреты — или, как *портретный* живописец, изображают их. — Наконец, слово *залетные* занял у самого Д. В. Давыдова из собственной его биографии. — Этим заключено поражение обозрения; зато все выстрелы словесной артиллерии устремляются на меня. Г-н К., следуя, по его

* Пусть так! (*франц.*) — *Ред.*

выражению, «печальному долгу критики»*, находит, что недостатки моего слога происходят от излишней *выисканности* и от *страсти* (?) изъяснять мысли свои новым, оригинальным или необыкновенным образом. В неологизме укоряют меня очень многие, но если бы эти господа посадили, что я должен был избегать своих повторений и встречи с русскими и чужеземными писателями характеристик, что я разрабатывал тощее, однообразное поле и потому редко писал по вдохновению, одним словом, чтобы быть прочтены, я был принужден писать коротко, ново и странно,— то, конечно, простили бы мне многое. Впрочем, я весьма далек от авторского самолюбия,— очень вижу свои ошибки и с благодарностью принимаю дельные советы.— Потом г-н К., повторяя фразу Греча, сказанную на счет моей «Поездки в Ревель»**, говорит: «Мы надеялись, что светильник здравого вкуса предохранит г-на Бестужева от сей погрешности, в которую вовлекла его *пылкость молодости*; но добрые наши*** желания и благоприятные сии надежды остались донныне еще не исполненными».— То есть г-н К. хотел, чтобы я в один год был произведен в профессора! Ах! Милостивый государь, разве не знаете вы, сколько степеней должно пройти от студента до экстраординарного профессора! Притом нет худа без добра: и мне, как студенту, хочется еще поучиться. Например: сию минуту открываю я через вас, что *пылкость молодости* вовлекает в грамматические погрешности! И в самом деле: что более таких *сухих вещей* может способствовать воспламенению! От молодости, однако ж, я торжественно обещаю исправиться.— Наконец выписываю решительный аттестат моему обозрению. Вот он: «Кто не предвидит вместе с нами, что сей взгляд на старую и новую словес-

* Не понимаю, почему долг критики г-н К. называет печальным? Неужели она всегда осуждает, всегда хоронит? Неужели каждую должно начинать словами: «С прискорбием извещаем...» Или г-н К. вместе с Эпаминондом считает сон подобием смерти?⁴ Но как бы то ни было, если критика г-на К. будет мне эпитафиею,

То я буду в виде тени,
В час полуночных видений,
С сатирическим пером,
С смехом в ваш являться дом⁵. — Соч.

** Вот она. «Это шалости резвого студента, который обещает быть отличным профессором».

*** Позвольте узнать, чьи? Того ли, кто говорит о «Полярной звезде», или того, кто говорит о «Северной»? Ибо на одной странице трижды перемешаны сии названия. — *Пр.* Соч.

ность в России испугает многих пестротой слога и неясностью выражений, а других введет в заблуждение своими характеристиками и сравнениями, нередко остроумными, но столь же часто несправедливыми». Решение без доказательств — ибо г-н Критик не выставил ни одного ложного сравнения. Что в заблуждение мог я ввести некоторых, то неоспоримо, вижу, на г-не К.; но я ли в том виноват? Далее, Греча осуждали, зачем он не характеризовал писателей в своем «Опыте истории»⁶; я сделал это, и меня бранят за рассуждения,— прошу угодить! Впрочем, напишите лучше, и я первый буду хлопать в ладоши; но до тех пор позвольте мне гордиться, что я, как умел, сказал более правды, чем те, которые могли сказать ее лучше — и молчали.

Не удостоив других статей «Полярной звезды» разбором, вот все, что сказал г-н К. о моем обозрении словесности русской, вот все ошибки, вот все его жертвы! — Жаль только, что гораздо важнейшие погрешности ускользнули от наблюдательного взора г-на Критика. Например: он не заметил, что я не упомянул о знаменитых наших проповедниках и духовном красноречии; он не заметил, что я пропустил многих и из светских писателей, как-то: С. Глинку, П. Кутузова, Нахимова, Глебова, Мансурова.

А разве там он? Там. — Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил*.

Впервые — «Сын отечества», 1823, № 4, ч. 83, с. 174—190, с пометой — «20 января».

Написано в ответ на рецензию К. (В. И. Козлова) «Полярная звезда» карманная книжка на 1823 год». — «Русский инвалид», 1823, №№ 4, 5, 6, 7 (6, 8, 9, 10 января).

¹ *Анаграмма* — перестановка букв в слове для образования другого слова. Здесь имеется в виду подмена Козловым одного слова («наряду») — другим («сравнить»), искажающим мысль Бестужева.

² Припев песенки санкюлотов времен французской революции 1789—1794 гг.

³ *Краледворская рукопись* — сборник чешских песен, проникнутых национально-патриотическим духом. Создан чешским филологом и поэтом В. Ганкой и опубликован им в 1819 г. под видом якобы найденной им старинной рукописи. Во времена Бестужева ее подлинность не бралась под сомнение.

⁴ *Эпаминонд* — древнегреческий полководец и политический деятель, прославившийся победами при Левктрах и Мантинее. Однако, судя по контексту, Бестужев имеет в виду Эпименида, критского жреца, который, по преданию, проспал в зачарованной пещере пятьдесят семь лет.

⁵ Бестужев пародирует стихи из элегии Батюшкова «Привидение» (из Парни):

В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени
То внезапно, то тишком
С воплем в твой являться дом.

⁶ Имеется в виду книга Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (1822).

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1823 ГОДА

Впервые — «Полярная звезда» на 1824 год», с. 265—271.

¹ И.-И. *Эшенбург* — немецкий критик литературы. Автор ряда трудов. Бестужев, по-видимому, имеет в виду его работу «Handbuch der klassischen Literatur» (1783).

² Эта часть статьи вызвала полемику между Бестужевым и Вяземским. Последний возражал против благожелательной оценки «Вестника Европы», занимавшего ретроградные позиции в литературной и общественной жизни. Позднее и Бестужев подверг этот журнал резкой критике (см. наст. изд., с. 77—78).

³ *Алкид* — одно из имен Геракла, бесстрашного героя греческой мифологии, смело вступающего в бой с грозными силами природы, с чудовищами, разбойниками, великанами и т. д.